

Глава 2

Янь Цзызюнь видел, что тревога на лице юноши была искренней. Спустя мгновение он признал в нем сына старого У, верного слуги еще времен деда. В прошлой жизни Цзызюнь звал его А-Юэ. Хотя формально они и считались господином и слугой, на деле давно стали друг другу как родные.

— Дядя... — Цзызюнь говорил медленно из-за своего недуга. Но едва слетело это слово, как память о горестях прошлой жизни острой болью отозвалась в сердце, и глаза застило слезами.

А-Юэ, не дожидаясь, пока он закончит, торопливо заговорил:

— Молодой господин, не тревожьтесь, я уже всё знаю. Отец велел мне собрать серебро. Никуда не ходите, ни к кому не нанимайтесь. Пусть у нас лишь простая еда, но мы всегда найдем, чем вас накормить...

А-Юэ говорил горячо, от самого сердца, но его прервал тот самый молодой человек, что ранее забрал расписку:

— Это еще что за малый? С какой стати ты преграждаешь нам путь? Твой господин уже продан в наш дом. Вот, гляди, купчая! — С этими словами он выудил из рукава бумагу и развернул её перед А-Юэ.

Тот, задыхаясь от негодования, из последних сил сдерживал гнев ради Цзызюня. Он шагнул вперед, пытаясь объяснить:

— Три года назад мой господин был отдан дядей семье Сунь в счет долга. По правилам тогда подписали договор. Но этот корыстный подлец снова обманул вас! Он сказал, что это продажа с правом выкупа, забрал деньги и сбежал. Разве такая сделка может считаться законной? Пусть семья Чжан и заплатила, вы не имеете права забирать человека!

— Это еще почему? Эту купчую наш управляющий выкупил у плотника Чэня за звонкое серебро. Тут всё четко написано, черным по белому. Если не согласен — ступай в суд и жалуйся, а нам пора в путь, недосуг слушать твоё нытье.

Юнец говорил дерзко, но господин Цзя не желал в этом деле задавливать людей властью. Слегка нахмурившись, он знаком заставил слугу замолчать.

— Малый, ты, верно, обознался, — мерно проговорил господин Цзя. — Мой хозяин — господин Чу из рода Дунтина в Цзинцзяне. Дядя этого юноши тайно продал племянника, и глава семьи Чжан, поняв, что его обвели вокруг пальца, уже подал жалобу в управу. Зная о тяжком недуге молодого человека, он не стал чинить ему препятствий. Мы же выкупили его у семьи Чэнь полюбовно, сделка была честной и законной. У нас на руках контракт, и какие бы долги ни

тянулись за ним из прошлого, нас это не касается. Не задерживай нас более.

Управляющий Цзя уже собирался дать знак своим людям трогаться, как вдруг А-Юэ с глухим стуком рухнул перед ним на колени. Когда он поднял голову, он смотрел сквозь слезы.

— Умоляю, господин, не забирайте его! Он с детства слаб здоровьем и не годен для тяжелого труда. В вашем доме от него не будет никакого проку... — Голос его сорвался.

Дрожащими руками А-Юэ вытащил из-за пазухи сверток. Развернув грубую ткань, он протянул на ладони пять лянов ломаного серебра.

— Три года назад дядя продал молодого господина в дом Чэнь за пять лянов. Я... я лишь виню себя и отца, что мы такие никчемные. Все эти годы мы собирали по крохам, чтобы выкупить его. Господин, проявите милосердие, возьмите эти деньги и позвольте мне забрать его домой...

А-Юэ трижды приложился лбом о замерзшую землю перед конем Цзя Луна. Слуги переглянулись, ожидая решения управляющего. Господин Цзя, сидя в седле, невольно вздохнул и склонился к юноше:

— К чему это упрямство? Его дядя дважды продавал родную кровь чужим людям, да еще и обманывал покупателей. Сразу видно — бесчестный бродяга. Теперь он с семьей скрылся в неизвестном направлении, бросив племянника на произвол судьбы. Родство их на этом оборвалось. Да если бы он и остался в Даньяне, разве это надежное прибежище? Лучше уж пускай едет со мной, там у него будет хоть какая-то жизнь.

Янь Цзызюнь слушал их сквозь пелену слез, пытаясь осознать разницу между бессрочной продажей и продажей с правом выкупа. Этот господин Цзя казался человеком рассудительным, но каков нрав у его хозяина? Конечно, Цзызюнь хотел остаться с А-Юэ, но, глядя на его поношенную одежду, понимал — дела у верного слуги идут немногим лучше. Он не мог позволить себе стать для них новой обузой.

Однако А-Юэ не поднимался с колен, продолжая протягивать серебро и молить о пощаде. Терпение господина Цзя, и без того долгое, начало иссякать. Увидев, что управляющий помрачнел, один из его подручных мгновенно понял намек. Он пришпорил коня и с силой опустил плеть.

Раздался резкий свист.

А-Юэ вскрикнул и повалился на обочину, бледный, прикрывая лицо рукой. Словно не чувствуя боли, он заковчевшими пальцами судорожно пытался собрать рассыпанные в грязи монеты.

Янь Цзызюнь, несмотря на свою кротость, не выдержал. Увидев, что А-Юэ ранен, он в ярости попытался вмешаться, рванулся к нему, но в суете лишь мельком увидел алое пятно на

снегу. Когда же ему наконец удалось подобраться ближе, он ужаснулся: А-Юэ истекал кровью, а на его левой щеке зияла глубокая рваная рана.

— Наш управляющий по-хорошему тебе советовал, а ты, дурак, не внял! Запомни: мы купили его за десять лянов. Как соберешь достаточно — приходи в Мошаньпу, к семье Чу, тогда и выкупишь!

В суматохе Цзызюня подхватили и вскинули на коня, усадив перед всадником. Потрясенный и разгневанный, он отчаянно пытался вырваться, но его крепко держали.

— А-Юэ! Отпустите меня! А-Юэ!.. — кричал он, срывая голос, но его мольбы остались без ответа.

Всадники хлестнули коней. Лошади, шумно выдыхая пар и гремя копытами, втоптали в придорожную грязь недособранные серебряные монетки и умчались прочь.

Цзызюню в ту пору едва исполнилось девятнадцать. И хотя он не помнил долгой дружбы с А-Юэ, память прошлой жизни и нынешние чувства подсказывали: это самый близкий ему человек. Видя, как обошлись с его единственным заступником, он не выдержал. Пока они скакали, Цзызюнь бился в руках всадника, пока голос не охрип, а ворот одежды не намок от горьких слез.

Когда отряд покинул город, управляющий почему-то велел свернуть с ровного тракта на узкую тропу, ведущую к югу. К полудню поднялся неистовый ветер. В мгновение ока пыль и камни взметнулись в воздух, застилая небо. Ясный зимний день погрузился в призрачный, могильный мрак.

Янь Цзызюнь никогда не видел ничего подобного. Он вцепился в полы своей одежды, стараясь спрятать лицо, и пригнулся к самой гриве коня. Но даже так он почувствовал, как над головой завыл яростный вихрь, обрушивая на него ливень из сухих листьев и мусора. Силы, и без того подорванные недугом и тревожностями дня, окончательно оставили его. Мир перед глазами качнулся, и сознание Цзызюня провалилось в темноту.

— Это и есть тот малый, которого господин велел найти? С виду пригожий, личиком чист, только больно худ. Видно, хлебнул горя на чужбине.

— Эх, чего ты его жалеешь? Не видишь, кому он дорогу перешел? Раз его сюда привезли, господин с него спустит три шкуры.

— И всё же жалко его... Послушай, ты обычно не такой злой, с чего вдруг сегодня так разговорился?

— Да посмотри на него — глазки невинные, а кто знает, что там на уме? Господин самого управляющего Цзя за ним посылал! В лицо-то знаешь, а что на душе — поди разбери. Помяни мое слово, как у господина нрав разыграет, ты за него вину на себя и возьмешь, раз такой жалостливый...

— Да ну тебя! Мели побольше. Проваливай давай!

Янь Цзызюнь пришел в себя уже некоторое время назад. Он лежал и слушал, как под окном переругиваются двое слуг, занятых уборкой. Лишь когда солнце начало клониться к закату и яркий луч полоснул по глазам, он вынужден был открыть их и оглядеться.

«По крайней мере, здесь получше, чем в прежней конуре...» — подумал он.

Комната, белая и пустая, точно снежный грот, всё же была обставлена справно. Стол, стулья, чайный набор — всё на своих местах. На сосновой кровати висел легкий полог, а выстиранное белье, хоть и простое, пахло чистотой.

Он осмотрел себя: грязная, пропитанная запахом болезни одежда исчезла. Теперь на нем была белоснежная нательная рубаха и добротные штаны с курткой цвета индиго. Вещи были великоваты, но зато в них было тепло и уютно. Цзызюнь коснулся волос и с удивлением обнаружил, что они чисты и аккуратно причесаны.

Тело всё еще казалось свинцовым, но долгий сон в тепле вернул ему часть сил. Заметив в углу на подставке медный таз с водой, Цзызюнь с трудом поднялся и, шаркая туфлями, подошел к нему. Ухватившись за края таза, он заглянул в воду.

На него смотрело лицо молодого человека лет двадцати. Кожа белая, черты лица тонкие, почти книжные. Изящный разрез глаз, обрамленных длинными ресницами, придавал взгляду особую глубину — точно две звезды отражались в темной воде.

Какое лицо!

Будь он покрепче телом, играй на щеках румянец, одень его в шелка да укрась прическу нефритовым венцом — вышел бы юноша редкой красоты, статный и благородный.

Цзызюнь впервые видел себя таким. В прошлой жизни он годами не поднимался с постели, и сама мысль о том, что он может быть привлекательным, казалась ему чужой. Теперь же, получив от судьбы такой подарок, он едва сдерживал радость, готовый возблагодарить небеса.

Пусть он и не собирался торговать лицом, но приятная наружность еще никому не мешала. Если слова управляющего Цзя — правда и здесь он найдет приют, то не стоит гневить богов. Он обязательно поправится и проживет эту жизнь достойно.

Пока он размышлял о будущем, в животе громко заурчало.

«И сколько же я проспал? Даже голода поначалу не чувствовал», — пробормотал он про себя.

Он уже собирался выйти и поискать кого-нибудь, чтобы спросить о еде, как дверь открылась. Вошел управляющий Цзя с изящным резным коробом в руках.

— Ты спал несколько дней и, верно, изголодался. Поешь скорее.

Старый управляющий говорил немногословно, но тон его был почти отеческим. Цзызюнь, чьи внутренности уже сводило от голода, поблагодарил его и тут же принялся за еду.

Простые лепешки, соленья и жидкая каша показались ему изысканными яствами. В его памяти не осталось воспоминаний о столь сытном обеде.

Пока он ел, господин Цзя сидел рядом, терпеливо наблюдая. Когда короб опустел, управляющий произнес:

— Тяжело тебе пришлось в дороге. Если насытился, ступай со мной в главный зал. Хозяин ждет тебя уже давно.

Сердце Цзызюня пропустило удар. Он не на шутку встревожился.

Кто он такой, чтобы важный господин дожидался его встречи? Неужели у прежнего владельца этого тела были какие-то тайны? Негоже заставлять знатного человека ждать, да еще в такие холода. Добром это не кончится!

Цзызюнь торопливо вытер губы и кивнул, показывая, что готов идти. Господин Цзя, не тратя слов, вывел его из комнаты. Путь их лежал через череду дворов.

Сначала они прошли по изящной галерее, миновали ворота, украшенные каменными львами, пересекли выложенный кирпичом дворик. Повсюду Цзызюня окружали беседки, павильоны, пруды и мостики, искусно вписанные в заросли сосен и кипарисов. Причудливые камни, цветочные террасы и изумрудный бамбук радовали глаз.

Янь Цзызюнь шел следом, не переставая дивиться красоте усадьбы.

«Словно в сказку попал, — шептал он про себя. — Какое великолепие!»

Вскоре они достигли главного зала. Перед входом тянулась резная балюстрада с вставками из зеленого стекла. С карниза спускались лунно-белые шелковые занавеси, расшитые серебром.

Над дверью красовалась табличка с надписью: «Яотай Цинмэн» — «Сияющий сон на Нефритовой террасе». Вся мебель внутри была сработана из благородного бамбука, покрытого лаком. На полках теснились древние сосуды и свитки, а стены украшали каллиграфические свитки лучших мастеров.

Увидев это, Цзызюнь невольно вспомнил стихи об уединении в небесных чертогах. Хозяин этого дома явно обладал утонченным вкусом и немалым богатством.

Цзызюню казалось, что ему несказанно повезло. Если хозяин — человек ученый и благородный, он сможет верно служить ему, скопит денег и со временем выкупит свою свободу.

Пока он грезил о будущем, господин Цзя тихо прошептал: «Господин идет». Цзызюнь мгновенно подобрался и устремил взгляд на фигуру, появившуюся из-за резной ширмы.

Перед ним стоял мужчина лет тридцати. Одевание его было черным как ночь, иссиня-черные волосы высоко стягивала шпилька из белого нефрита. Он смотрел холодно и пронзительно, плотно сжав губы. Он казался изваянием из безупречного нефрита — величественный, отстраненный, окруженный аурой неземного благородства.

Янь Цзызюнь замер, не в силах отвести взгляд. В голове мелькнула мысль: «Неужели бог спустился на землю? Или я попал на страницы легенд о бессмертных?»

Заметив, что юноша стоит как истукан, уставившись на хозяина, управляющий Цзя не на шутку перепугался. Он громко кашлянул, давая знак, но когда Цзызюнь не шелохнулся, управляющий в отчаянии незаметно пнул его под колено. Цзызюнь вскрикнул и мешком повалился на пол.

— Стража! — раздался внезапно ледяной, полный гнева голос хозяина. — Схватите этого бесстыжего раба, свяжите его и бейте, пока не взмолится о пощаде!

— Что?! — Цзызюнь вскинул голову, не веря своим ушам.

Если бы не свирепость в глазах мужчины и не то явное отвращение, с которым тот смотрел на него, он бы решил, что ослышался.

«Что происходит? В чем моя вина? Почему прекрасный небожитель в один миг превратился в грозного судью преисподней?»